

Юрий Бондарев

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

*Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.
Горевать – горделиво,
Не клонясь головой.
Ликовать – не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.*

А. Твардовский

1

В двенадцатом часу ночи капитан Новиков проверял посты.

Он шел по высоте в черной осенней тьме, над головой густо шумели вершины сосен. Острым северным холодом дуло с Карпат, вся высота гудела, точно гулко вибрировала под непрерывными ударами воздушных потоков. Пахло снегом.

Редкие ракеты извивались над немецкой передовой, сносимые ветром, догорали за темным полукружьем соседней высоты. В низине справа, где

лежал польский город Касно, беззвучно вспыхивали, гасли неопределенные светы, как будто задувало их.

Молчали пулеметы.

Новиков не видел в темноте ни орудия, ни часовых, шел – руки в карманах, ветер неистово трепал полы шинели, – и странное чувство тоски, глухой затерянности в этих мрачных, холодных Карпатах охватывало его. Приступы тоски появлялись в последнюю неделю не раз – и всегда ночью, в короткие затишья, и объяснялись главным образом тем, что четыре дня назад, при взятии города Касно, батарея Новикова впервые потеряла девять человек сразу, в том числе командира взвода управления, и Новиков не мог простить себе этого.

– Часовой! – строго окликнул Новиков, останавливаясь, по звуку голосов угадывая впереди землянку первого взвода, вырытую в скате высоты.

Ответа не было.

– Часовой! – повторил он громче.

– А?

Что-то черное завозилось, шурша плащ-палаткой, возле входа в землянку, голос из темноты отозвался сдавленно:

– А! Кто тут?

– Что это за «а»? Черт бы драл! – выругался Новиков. – В прятки играете?

– Стой! Кто идет? – преувеличенно грозно выкрикнул часовой и щелкнул затвором автомата.

– Проснулись? Что там за колготня в землянке? – спросил Новиков недовольным тоном. – Что молчите?

– Овчинников чегой-то шумит, товарищ капитан, – робко кашлянув, забормотал часовой. – И чего они разоряются?

Новиков толкнул дверь в землянку.

Плотный гул голосов колыхался под низкими накатами. Среди дыма плавали фиолетовые огни немецких плошек, мутно проступали за столом и на нарах красно-багровые лица солдат – все говорили разом, нещадно курили. Командир первого взвода лейтенант Овчинников, с тонким, красивым, самолюбивым ртом, ударил кулаком по столу, покачиваясь, встал, затем, небрежно оттолкнув на бедре тяжелую кобуру пистолета, скомандовал: сипло и властно:

– Прекратить галдеж и слушай тост! За Леночку! А, братцы? Пить всем!

Смутный рев голосов ответил ему и стих: все увидели молча стоявшего в дверях капитана Новикова. Он медленно обвел взглядом лица солдат.

– Значит, пыль столбом? – произнес он, хмурясь. – И санинструктор здесь?

То, что веселье это происходило в восьмистах метрах от немецкой передовой и люди, зная это, не сдерживали себя, не удивило Новикова. Удивило то, что здесь, среди едкого махорочного дыма, среди этого нетрезвого шума, сидела на нарах санинструктор Лена Колоскова. Сидела она, охватив руками колени и покачиваясь взад и вперед, разговаривала с умиленно расплывшимся замковым Лягаловым, смеялась тихим, трудным, ласковым смехом.

«Смеется каким-то жемчужным смехом, – не без раздражения подумал Новиков. – Она пьяна или хочет понравиться лейтенанту Овчинникову. Зачем ей это?» И, стараясь еще более возбудить в себе неприязнь к этому

легкомысленному смеху, он быстро взглянул на нее, потом на Овчинникова, спросил:

– Что у вас тут? Свадьба?..

Он произнес это, должно быть, грубо – все замолчали. Лена вопросительно перевела на него взгляд и вдруг легко и гибко спрыгнула с нар, взяла со стола чей-то стакан, подошла к Новикову, блестя яркими, чуть прищуренными, улыбающимися глазами.

– Да, именно, – сказала, откидывая: голову, – здесь свадьба. Поздравьте меня и Овчинникова. Лейтенант Овчинников! – приказала она. – Дайте водки капитану!

«Что это с ней?» Она не была пьяна, кажется (а вообще не поймешь!), и дерзко глядела на него снизу вверх, – тонкая нежная шея окаймлена воротом, узкие плечи, крепкая маленькая грудь обтянута суконной гимнастеркой, сжатой в талии широким ремнем.

Не раз ловил себя Новиков на том, что его непривычно смущала постоянная вызывающая смелость санинструктора, – он почувствовал, что покраснел на виду мгновенно притихших солдат, и, разозленный на себя за это, резко сказал:

– Вы всегда неудачно шутите, товарищ санинструктор! – И, повернувшись к лейтенанту Овчинникову, договорил тоном приказа: – Прекратить! Что это за веселье? С какой радости? Всем отдыхать!

Лейтенант Овчинников, самолюбиво сузив светло трезвые глаза на недопитый стакан, спросил:

– За что вы, товарищ капитан? Мой день рождения. Не признаете? Двадцать шесть стукнуло. Лягалов, налей комбату! Ломанем, товарищ капитан?.. Чтоб пыль на всю Европу, а?

Замковый Лягалов, солдат пожилой, некрасивый, низкорослый, обросший золотистой щетинкой на худых щеках, помигал конфузливо на Овчинникова, на комбата, неуверенно налил из фляги полную кружку, протянул Новикову:

– Товарищ капитан, не побрезгуйте, стадо быть... Чистая-а!

Считался Лягалов непьющим, и то, что он пил сейчас и протягивал кружку, вконец испортило настроение Новикову. Он оттолкнул руку Лягалова, криво усмехнулся:

– Поздравляю. – И, ссутулившись, шагнул к двери.

Уже на пороге услышал позади себя неловкую тишину, и стало ему неприятно оттого, что он только что внес в землянку, к солдатам Овчинникова, которых любил, холод и раздражение. Он знал, что Лена была развращена постоянным мужским вниманием, – это, разумеется, было связано с ее прошлой службой в полковой разведке. Она пришла в батарею месяца два назад после непонятной истории в полку, о которой всезнающие штабные писаря вынуждены были молчать. Ходили слухи: она набила морду и едва не застрелила адъютанта командира полка. Однако Новиков мало верил этому. Походили на правду иные слухи: говорили о ее особенной близости с разведчиками. И Новиков, видя ее маленькую точеную фигуру, ее порочно аккуратную грудь, обрисованную гимнастеркой, лучисто-теплый свет ее глаз, когда она улыбалась, часто слыша ее смех, который тоже был как бы тайно порочен, испытывал болезненные приступы

раздражительности. Оттого, что она, казалось, была доступна всем, она была недоступной для него. В первые дни пребывания нового санинструктора в батарее был он с ней нестеснителен, полунасмешлив, иногда в присутствии ее не сдерживался в сильных выражениях – не божий одуванчик, не то видела! После, лежа один в своей землянке, он, мучаясь, вспоминал то чувство, какое испытывал, когда ругался, словно не замечая ее, и не находил успокоения. Его стесняла, ему мешала эта женщина в батарее. Но одновременно, даже не видя ее, он все время ощущал ее присутствие и не мог объяснить себе то внезапное неприязненное раздражение, которое она своей смелостью, своим голосом вызывала в нем.

Выйдя из землянки, Новиков один постоял в холодной осенней тьме. Мысль о том, что он грубо обидел сейчас солдат, обидел тогда, когда от расчетов его батареи осталось двадцать человек, когда он должен быть добрей, ласковее с людьми, угнетала его.

Ветер гудел в ушах, и в тяжком скрипе сосен слышался Новикову пьяный гул голосов; и оттого, что в землянке бездумно пили спирт и смеялись, как бы забыв о тех, кого похоронили вчера, Новиков испытывал знакомое чувство тоски.

Ощупью нашел пенек – видел его еще днем, – сел, до боли потер небритые щеки, посмотрел в потемки, туда, где за высотой, в полутора километрах отсюда, на западной окраине Касно, стояли два орудия младшего лейтенанта Алешина – второй в батарее взвод, который он, Новиков, особенно берег. Там не взлетали ракеты.

– Я пошла! – раздался женский голос в нескольких шагах от Новикова.

Из землянки вырвался, стих шум голосов. Желтая полоса света легла на кусты, легкие шаги слышались в четырех метрах от Новикова, и по голосу, по смутному очертанию фигуры он узнал Лену. Она остановилась возле, не видя Новикова, долго глядела на прижатые к горам близкие вспышки ракет – среди шумящих деревьев появлялось ее бледное лицо с непонятно решительным выражением. Сквозь гудение сосен глухо хлопнула дверь, из землянки выбежал лейтенант Овчинников в распахнутой телогрейке, окликнул сипловатым голосом:

– Ты куда ж, Леночка?.. Пстой!

– Я стою. Ну а вы зачем? – спросила она негромко. – Я и сама дойду!

Он подошел к ней, проговорил требовательно:

– Куда?

– К разведчикам. Они здесь недалеко, – ответила она насмешливо. – Не привыкла я к вашей батарее. Непохожи вы на разведчиков, лейтенант...

Овчинников придвинулся к ней, сказал тяжелым голосом:

– Непохожи? Хочешь, я ради тебя вон там под пули встану? Хочешь? Не знаешь ты еще!..

– Ну, этого не надо! – Она засмеялась. – Глупость это!

Тогда он сказал с отчаянием:

– Так, да? Все равно не отпущу! Ты наших не знаешь!

Он приблизился к ней вплотную, они будто слились, и тотчас Лена сказала презрительно, протяжно, устало, переходя на «ты»:

– Уйди-и, не справишься ты со мной... Губы у тебя мокрые, лейтенант...

Она оттолкнула его, пошла прочь, а он, сделав шаг назад, позвал громко: «Леночка, постой!» – и кинулся следом за ней. В его сбившемся дыхании, в коротком неуверенном крике было что-то неприятно молящее, унижающее мужское достоинство, и Новиков поморщился. Он встал, пошел к своему блиндажу.

Блиндаж был полуосвещен сонным, желтым мерцанием коптилки. Воздух был тепел, плотен, пахло шинелями, лежалой соломой. Дежурный телефонист Гусев, молодой, круглоголовый, прислонясь затылком к стене, спал – устало подергивались брови, потухшая сигарка прилипла к оттопыренной губе, другая – свернутая – заложена за ухо. Перед ним на снарядном ящике котелок: из недоеденной пшенной каши торчала деревянная ложка. Возле котелка огрызок обмусоленного чернильного карандаша, измятый листок, вырванный из тетради, ровные, аккуратные строчки были усыпаны хлебными крошками. Видимо, ел и писал письмо. Новиков взглянул на листок, невольно усмехнулся этому аккуратному школьному почерку: «Ты меня не ревнуй, потому что у нас тут женщин нет, только одна сестра, да и то больно некрасивая...»

Он хотел спросить связиста, звонил ли командир дивизиона, но будить было жалко. Вокруг с тревожным всхлипыванием, бредовым бормотанием спали солдаты. Новиков, не раздеваясь, лег на спину, сбоку нар, на обычное свое место. Закрыв глаза и будто погрузился в горячий, парной воздух, полный разлетающихся искр, в хаос несвязных людских голосов, и мутно среди них колыхались лица Лены, лейтенанта Овчинникова – обычный, непонятный мгновенный сон.

Он проснулся от сильного гула, давящего на голову, вскочил, пьяный от сна.

– Что? Позывные? – спросил отрывисто. – К телефону?..

– Дальнобойная высоту накрыла... – ответил кто-то.

Вся землянка была наполнена запахом тола, желтоватой мутью дыма. В нем вздрагивающими тенями копошились, вскочившие солдаты – все глядели отяжелевшими от сна глазами на крупно трясущийся потолок землянки. Сухо трещали бревна накатов, шевелились, перемещались над головой. А там, вверху, что-то гигантски огромное, душащее, тяжелое, с хрустом разламываясь грохотом, рушилось на высоту, сотрясало ее. Не стало слышно стонущего шума ветра, задавленного железной толщиной разрывов.

– Дальнобойная... накрыла, – шепотом выдавил связист Гусев, бледнея. – Воронки... с дом...

Старший сержант Ладья, командир орудия, неловко прыгая на одной ноге, торопливо вталкивал другую ногу в штанину галифе, кричал Гусеву:

– Спишь, тютя? А ну, что там, на передовой? Узнай!.. – И, застегиваясь, глянув на Новикова, добавил иным тоном: – Вроде началось, товарищ капитан. Слышите? Непохоже на артналет. Ишь ты, заваруха!

И тут же повысил сочный, зазвеневший командными переливами голос:

– По места-ам! Вылетай к орудию!

– Отставить, – остановил Новиков, шагнув к Гусеву, надсадно кричавшему позывные в трубку, и, медленно разделяя слова, спросил: – Команда была от Резеды?

– Никак нет, – бормотал Гусев, обеими руками прижимая трубку к уху, и тотчас пригнулся к аппарату. Куски земли оторвались от потолка, ударили по аппарату, по плечам его. – Никак нет, – повторил он невнятным движением губ, испуганно потирая круглую стриженую голову.

– Дайте трубку! Связист вы или нет! Вы должны все знать! – сказал Новиков и не взял, а вырвал из рук Гусева мокрую от пота, нагретую трубку. – Резеда! Резеда! Какого дьявола! Что там? Резеда! Питания, что ли, у вас нет? – Покосился на связиста. – Проверяли связь?

– Я Резеда, я Резеда, – внезапно послышался в трубке слабый, как комариный писк, голос и сейчас же зачастил: – Кто у телефона? Шестого к аппарату, шестого к аппарату! Шестого немедленно к Резеде, немедленно к Резеде!.. Немедленно!

– Я шестой, – объявил недовольно Новиков, глядя в стоявший на снаряжном ящике котелок, полный бурой жижи. – Что случилось? Иду! Сейчас иду.

Он положил трубку, надел отлично сшитую, но уже обтрепанную шинель, застегнул ремень, оттянутый кобурой пистолета; потом, сдвинув брови над тонкой переносицей, вынул из кобуры ТТ и легким щелчком выдвинул, проверил кассету и вновь втокнул в рукоятку пистолета. Он сделал все это молча, без спешки, и солдаты, так же молча, смотрели то на капитана, то на вибрирующий потолок землянки, прислушиваясь напряженно к нарастающему реву снарядов. Новиков же ни разу не взглянул вверх, все хмурясь отчего-то, и тем своим обычным грубоватым тоном, который так не шел к его мальчишески юному, всегда бледному лицу, коротко приказал:

– Ремешков, пойдете со мной!

Подносчик снарядов Ремешков, парень лет двадцати шести, молчаливый, замкнутый, солдат-счастливец, недавно побывавший после тяжелого ранения в шестимесячном отпуске дома, на Рязани, обратился к Новикову, сидя на нарах, свое крепкое белобровое лицо – в расширенных глазах толкалась мольба. Проговорил еле слышным шепотом:

– Нога у меня... нога... – и, жалко кривя губы, потер колено, низко опустив голову. – По горам ведь... нога у меня, товарищ капитан. Другого бы кого, пока нога-то...

– Другого? – переспросил Новиков, заученным движением сунув пистолет в кобуру. – Другого, говорите?

Он знал, куда надо идти сейчас, и выбрал Ремешкова, потому что тот отлеживался шесть месяцев дома, в то время как солдаты его, Новикова, батареи без отдыха находились в боях, дошли до Карпат. Выбрал, потому что считал это суровой необходимостью, тем более что Ремешков был новым человеком на батарее.

– Другого, говорите?

Ремешков молчал. Молчали и солдаты.

Блиндаж сотрясало мелкой дрожью, пол туго ходил под ногами, в короткие промежутки между разрывами, как из-под воды, вливался отдаленный пулеметный треск. Теперь уже всем было ясно, что это не обычный артналет, не обычная перестрелка дежурных орудий и пулеметов после недавних жестоких боев при взятии города Касно, на границе Чехословакии.

И то, что Ремешков робко отказывался идти на передовую, в то время как за неделю от батареи осталось двадцать человек старых солдат, а Ремешков прибыл в батарею днями, прибыл отъевшийся, раздобревший, со здоровым, молочным цветом лица от домашнего хлеба и сала, особенно было неприятно Новикову.

– У нас в батарее приказание два раза не повторяют! – проговорил он жестко и, более не обращая внимания на Ремешкова, пошел к двери.

– Товарищ капитан!..

Ремешков просительно напряг голос, и, вдруг нагнувшись так, что стала видна красная, гладкая шея, со стоном и страданием прошептал:

– Товарищ капитан, разве я... Жалости нет? А?

– Нет! – сказал Новиков и вышел.

Дверь открылась, впустив грохот разрывов, и захлопнулась. Ремешков все ждал, искательно оглядываясь на солдат, и, потирая колено, повторил умоляюще:

– Нога ведь... Жалости нет?!

– Жалости? Тютя пшенная! Он еще думает, калган рязанский! – звонким, озорным голосом воскликнул старший сержант Ладья, надвигая пилотку на выпуклый лоб. – Морду нажевал в тылу и думает, все в порядке! Еще ему приказ повторять! Воевать приехал или сало жрать?

Было командиру орудия Ладье лет двадцать. Сильный, светловолосый, он по-особому ладно носил пилотку, сдвигая ее на лоб и набок. Весь подогнанный, в немецких, не по уставу, новых сапожках, с немецким тесаком

на всегда затянутом ремне, он казался мальчишкой, ради игры носившим военную форму, трофейное оружие.

– Ну? – крикнул он. – Думать потом будешь!

– Озверели, прямо озверели... – жалко и затравленно бормотал Ремешков, озираясь.

Командир второго орудия сержант Сапрыкин, неуклюже грузный, пожилой, двигая непомерно широкими квадратными плечами, в тесной, облитой по круглой спине гимнастерке, старательно кряхтя, наматывал портянку. Подмигнул Ремешкову почти ласково затеплившимися глазами и сказал доброжелательно:

– А ты лучше бери, землячок, автомат да и дуй во все лопатки. Так оно вернее. Раньше-то ведь воевал? Понял или нет? Вот автомат возьми. – И, обращаясь к Ладье, прибавил ворчливо: – Оно верно, после теплой печки да жены под боком умирать неохота. Сам небось так бы, Ладья?

– А я бы и в отпуск не поехал! На кой леший он мне! – сказал Ладья решительно и, взяв лежавший на нарах крепко набитый вещмешок Ремешкова, взвесил его с насмешливой улыбкой, говоря: – Давай, давай катись колбасой, тютя!

И подтолкнул Ремешкова в будто окаменевшую спину.

Оглушенные грохотом снарядов, рвущихся по всей высоте, они некоторое время стояли в ходе сообщения. Взлеты огня беспорядочно выхватывали из тьмы оципаные стволы сосен. С острым звоном полосовали воздух осколки, бритвенно срезали землю на брустверах. Она сыпалась на фуражку Новикова. Отплевывая хрустевшую на зубах землю, он ощупью нашел

холодный телефонный провод, ведущий от орудий на передовую, и, не выпуская его, посмотрел в сторону города Касно. Все пространство за высотой – километра на два – было освещено как днем. Гроздь ракет торопливо повисали там, пышна иллюминируя низкие облака. В них взвивалась, наискось красные трассы. Небо за высотой все время меняло окраску, наливалось густой багровостью – что-то горело в городе.

– Поидете по проводу! Я за вами? – приказал Новиков Ремешкову. – Берите провод, он в моей руке! Вот!

– Провод? – глухо переспросил Ремешков.

Но когда Новиков почувствовал прикосновение чужих потных пальцев к своей руке, лопнул рев над головой – будто огненный шар, ослепив, разорвался в небе. Сверху ударило жарким воздухом, бросило Новикова на землю. Снаряд лопнул, задев о ствол сосны.

«Разобьет орудия», – беспокойно подумал Новиков и сейчас же услышал стонущий голос Ремешкова:

– Ударило... по голове ударило... товарищ капитан. Всего ударило!

– Э, черт! – с досадой сказал Новиков, подымаясь. – Ранило, что ли? Где вы тут... ползаете?

В бледном отблеске расцветенного ракетами неба он увидел у стены траншеи скорчившуюся фигуру Ремешкова. Охватив руками голову, он глядел на Новикова опустошенными, рыскающими глазами, и это выражение успокоило Новикова, – раненые смотрели иначе.

– Крови нет? – спросил он и добавил насмешливо: – Еще до передовой не дошли, а вы... Как воевать будете? Ну, пошли, берите провод.

Ремешков поднес к глазам белые ладони и, странно всхлипнув, пробормотал облегченно:

– Взрывной волной меня...

– Не взрывной волной, а страхом.

Новиков пошел вперед, продвигаясь по ходу сообщения к орудиям.

В трех шагах от землянки Овчинникова почти натолкнулся на высокую человеческую фигуру, стоявшую в рост.

– Кто тут? Эй! – с угрозой рявкнул в лицо человек, и автомат тупо уперся Новикову в грудь. По голосу узнал часового первого орудия Порохонько; отведя рукой ствол автомата, сказал:

– Свои. Близко подпускаете! – И, сразу же заметив возле Порохонько освещенную слабым заревом тонкую фигуру Лены (стояла неподвижно, прислонясь спиной к траншее), спросил ненужно: – И вы тут? Вы же к разведчикам хотели идти?

– Хотела... – неохотно ответила она и спросила с вызовом: – А вы откуда знаете?

Новикову стало жарко, не рассчитав неожиданности вопроса и, увидев в больших вопросительных глазах на близком ее лице горячие отблески ракет, повернулся к Порохонько, хмурясь:

– Орудия целы?

Порохонько, как бы поняв все, лениво поскреб темнеющую щетину на узком подбородке, непонятно хихикнул.

– Ось кладет, ось кладет снаряды, як пишет... И кидает и кидает, сказывся чи що, фриц треклятый! А орудия дышат. Куда же вы, товарищ капитан?

Не ответив, Новиков двинулся дальше по траншее, однако Ремешков, поправляя на спине вещмешок, выкрикнул глуховато:

– Фрицам в зубы, куда еще!.. – И голос его покрыло разрывом; дым застлал зарево.

Он нырнул головой в траншею, побежал, горбато согнувшись.

– Товарищ капитан! – безразличным голосом окликнула Лена. – Подождите.

Он приостановился.

– Я с вами на передовую, – сказала она, подойдя. – Мне нечего здесь делать. Видите, что там? А я ведь в разведке привыкла к передовой.

– Привыкли?

И это напоминание о разведке, о той непонятной легкой жизни Лены в полку вновь ревниво толкнуло Новикова на грубость.

– Что вы мешаетесь тут, товарищ санинструктор, со своими дамскими штучками! – сказал он, хотя сам не мог вложить точного понятия в эти «дамские штучки». – Что, спрашивается, я теряю тут с вами время?

А она будто вздрогнула, как-то некрасиво искривив рот, сказала страстно и тихо:

– Может быть, солдаты вас любят, товарищ капитан, может быть. А я вас терпеть не могу! Терпеть не могу! Другое бы сказала, да Ремешков здесь!..

– Спасибо, – произнес он, силясь говорить вежливо. – А я думал, что сейчас можно не терпеть только немцев.

И по тому, что она говорила с ним грубо и он увидел ее ставшее некрасивым лицо, Новиков понял, что никакие другие отношения, кроме

уставных, не могут связывать их, и почувствовал какое-то тоскливое облегчение, похожее на медленно проходящую боль.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66